

Колтун в польской народной культуре XIX – начала XX в.: анализ источников

Поветкина Полина Борисовна
Кандидат филологических наук, старший преподаватель
Российский национальный исследовательский медицинский
университет им. Н. И. Пирогова
117513, ул. Островитянова, д. 1, Москва, Российская Федерация
E-mail: povetkina_pb@rsmu.ru
ORCID: 0000-0002-8246-5367

Цитирование

Поветкина П. Б. Колтун в польской народной культуре XIX – начала XX в.: анализ источников // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 277–297. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.13

Статья поступила в редакцию 01.07.2025.

Рецензирование завершено 06.02.2026.

Статья принята к публикации 17.03.2026.

Аннотация

На материале польских фольклорно-этнографических журналов второй половины XIX – начала XX в. и «Собрания сочинений» Оскара Кольберга в статье рассматривается локализация польских народных представлений о колтуне, наименования колтуна, объекты его воздействия, симптомы и заболевания, ассоциированные с ним в польской народной культуре, его бытийный статус, виды и проявления, причины появления, агенты, которые насылают и снимают колтун, способы формирования колтуна, в лечебных целях, продолжительность его ношения, особенности лечения, время и место его срезания, инструменты, которыми было принято избавляться от колтуна и дальнейшие действия после отделения его от головы. В основу классификации изучаемых народных представлений была положена последовательность описания колтуна из этнолингвистического словаря «Славянские древности» с дополнениями, обусловленными спецификой описываемых представлений в польской народной картине мира. Целью статьи было изучение природы колтуна и места данного явления в польской традиционной культуре. Для этого последовательность описания колтуна была уточнена

и расширена на польском материале, а также приведены цитаты из источников. Авторский перевод фрагментов из работ польских фольклористов о колтуне позволяет сделать их более доступными для русскоговорящего читателя.

Ключевые слова

Этнолингвистика, колтун, народная медицина, фольклор, Польша, магия.

Цель статьи – изучение болезни «колтун» и ее места в польской традиционной культуре. Польские народные представления о колтуне отличаются большим разнообразием и выходят далеко за рамки значения этого слова в польском и русском литературном языке. Неслучайно колтун раньше называли по-латински *plica polonica*. На протяжении всей истории польской фольклористики эта тема неоднократно привлекала внимание исследователей, однако представляется, что в ней осталось еще немало «белых пятен», а часть материала доступна только на польском языке.

В настоящей статье была предпринята попытка систематизации данных о колтуне, содержащихся в «Собрании сочинений» Оскара Кольбега, в польских фольклорно-этнографических журналах второй половины XIX – начала XX в. и ряде других источников.

В основу описания изучаемых народных представлений была положена статья «Колтун» из этнолингвистического словаря «Славянские древности» (Усачева 1999а: 556–559). Вместе с тем данные, представленные в статье, понадобилось уточнить и дополнить, а также привести цитаты из польских источников, чтобы не упустить детали, неизбежно опускаемые в энциклопедическом изложении, которые, однако, могут оказаться важными для анализа.

Локализация. В изучаемый период народные представления о колтуне были зафиксированы в Поморье (Хелмненском воеводстве, Михайловском, Тухоле) (Kolberg 1965: 264), Тарнувском и Жешувском регионах, в том числе в Белой под Тарнувом (Kolberg 1967: 291–293; W. Ul. 1904: 96), Келецком регионе, особенно около Свентокшиских гор и окрестностей Пинчува (Kolberg 1963: 212; Siarkowski 1885: (46)–(47)), Перемышльском регионе (Kolberg 1964: 235), бывшем Великом княжестве Познанском (Чешева под Голанчем, Вонгровце, Кельчеве под Косьцяном, Роске, Драске, Дорухуве, Пшиточной) (Kolberg 1982: 98, 112, 147–148, 159–160, 253), Краковском регионе,

в частности, в окрестностях Скавины, на Подлясье (Kolberg 1962a: 167), в Люблинском регионе, в Бытшице (Kolberg 1962b: 111; Z. A. K. 1894: 354), на Подгалье (Eljasz-Radzikowski 1897: 254), в Калише (Parczewska 1896: 343), в Курках, Дзялдове и к западу от Щитненского повета в Мазурии (Тоерпен 1892: 415), Августовской губернии, а также в Ходишеве в районе Ломжи (Osipowicz 1897: 774, 776), в Жировицах, Ченстохове и в Мехове (Kolberg 1962a: 170), повсеместно у поляков (Osipowicz 1897: 774).

Наименования и этимология. Наиболее известные и распространенные польские названия колтуна – *koltun*, *gościec* и их диалектные разновидности. По всей видимости, этимологически первый вариант связан с лексемой *колдун*, которая является производной от нее: «Слово *колдун* родственно сущ. *колтун* ‘спутанные волосы’, ‘залом’ (ЭССЯ 13: 185). По этой этимологии колдун – тот, кто наводит порчу, делая колтуны – заломы» (Левкиевская 1999: 529). Вероятно, по обратной, но схожей модели от слова *gościec* было образовано польское название разновидности колдунов, которые насылают или лечат данную болезнь, – *gościarze* (Kolberg 1967: 291). В семантике **kьldunь* и **kьltunь* прослеживаются общие мотивы плетения, закручивания: «русск. диал. *колтун* ‘путаник; мошенник’, а также блр. диал. *каўтун* ‘колосья, закрученные со злым умыслом’. В последних двух значениях – на стадии синхронного описания – уже даны основные этапы мотивации нынешнего значения слова *колдун* (из первонач. ‘тот, кто путает, закручивает, напр., колосья, со злым умыслом’)» (ЭССЯ 13: 185). Предположительно, **kьltunь* является производным с суффиксом *-unь* от глагола **kьltati* (эту гипотезу подтверждает, в частности, значение ‘крутить’ у пол. диал. *kieltać*) (Там же: 190, 191).

Наименование *gościec* Оскар Кольберг связывал со словом «гость» (1967: 291). В «Этимологическом словаре польского языка» находим *gościec* ‘ревматизм’ (с XVII в.), ср. чеш. *hostec* ‘то же’, чеш. диал. ‘сыпь’, ‘перхоть’, словац. *hostec* ‘ревматизм’, словац. диал. ‘лишай’, укр. *gostéц* ‘ревматизм’; этимологически от *gość*, праслав. **gostь* в значении ‘пришелец, чужой’ (что существенно), лат. *hostis* ‘враг’ (первоначально ‘чужой’) (Woryś 2008: 174). По-видимому, лексема *gościec* является табуистическим обозначением, эвфемизмом для болезни, симптоматика которой сходна с ревматизмом (ЭССЯ 7: 69; Woryś 2008: 174). Интересна также семантика поедания и ритуального кормления, прослеживающаяся в этимологии этого наименования (ЭССЯ 7: 68), которая, с одной стороны, может отражать народное

представление о том, что болезнь поедает свою жертву, а также указывать на связь с обрядовым угощением самого колтуна (см. далее).

В славянской культуре, в том числе на территории Польши, в качестве обозначения колтуна могли использоваться также названия мифологических персонажей: «силез. *tamunik*, *skřitek*, *skřotek* (букв. ‘гном’, ‘дух’), *vylkodlak* (волколак)» (Усачева 1999а: 556), что обусловлено распространённой функцией демонов заплетать домашним животным косички (колтуны) на гривах или хвостах (Усачева 1999б: 618).

Другие польские названия колтуна, схожие по созвучию со словом *gościec* – *goździeć*, *gwoździec* (Kolberg 1962а: 167), отражают болезненность колтуна и характер испытываемой боли – то, что он «впирается в больного, как гвоздь».

В своих работах Кольберг использует также полонизированный вариант латинского наименования колтуна (*plica polonica*) – *plika* (Kolberg 1967: 298–299). Однако для народной традиции подобное название нехарактерно.

Симптомы и заболевания, ассоциированные с колтуном в польской народной культуре, очень разнообразны. Их можно условно разделить на следующие группы:

- 1) появление колтунов в волосах (Eljasz-Radzikowski 1897: 254; Kolberg 1982: 252; 1962а: 168; Osipowicz 1897: 775);
- 2) ревматизм (Тоерпен 1892: 416) и другие заболевания суставов, костей и конечностей, проявляющиеся ломотой в костях (Eljasz-Radzikowski 1897: 254; Kolberg 1962а: 168), болью в пальце (Kolberg 1982: 252) и в ноге, хромотой, укорочением ноги и формированием в ней шишки (Osipowicz 1897: 776), хрустом суставов, искривлением ногтей (Там же: 775), скорчиванием конечностей (Kolberg 1962а: 168);
- 3) спазмы, судороги, паралич (Kolberg 1962а: 168; Osipowicz 1897: 776);
- 4) кожные заболевания – коросты, язвы (Eljasz-Radzikowski 1897: 254; Kolberg 1962а: 168);
- 5) заболевания глаз (Тоерпен 1892: 416) – воспаление, слепота (Kolberg 1962а: 168);
- 6) заболевания слухового аппарата – глухота (Kolberg 1962а: 168);
- 7) заболевания сердца (Z. A. K. 1894: 354);
- 8) головная боль (Kolberg 1962а: 169; Osipowicz 1897: 776), «которая усиливается при расчесывании волос» (Kolberg 1962а: 168);
- 9) тошнота (Kolberg 1962а: 168; Osipowicz 1897: 776);
- 10) воспаления разных органов (Kolberg 1962а: 168);

11) сонливость или бессонница (Kolberg 1962a: 168);

12) странные желания (Kolberg 1962a: 168).

Первые три группы отражают мифологические представления о колтуне как болезни, которая ломает или скручивает человека целиком либо его отдельные части, поскольку одной из причин появления колтуна считался контакт с искривленным деревом или корнем (см. ниже).

Объекты воздействия. В изучаемый период колтун мог встретиться у всех групп населения любого пола, возраста или социального статуса (Kolberg 1962a: 167). Он поражал не только людей, но и домашних животных – лошадей, скот и собак (Osipowicz 1897: 775; Siarkowski 1885: (46)–(47)).

Бытийный статус колтуна, его «поведение». Достаточно типичной для народной культуры является концепция, что колтун – это злой дух, который проникает в тело больного извне (Kolberg 1967: 291). В Люблинском регионе известно схожее представление о том, что колтун появляется из-за того, что черт проникает внутрь человека (Kolberg 1962b: 83).

Значительный интерес представляет описание колтуна из бывшей Августовской губернии и Подгалья: «Это воплощение болезни, живущее в каждом человеке, как бы невидимый гость, который, в случае неподобающего поведения человека, разнообразно проявляется у него в виде болезни. У каждого человека есть свой гость, и даже, по шутливым рассказам стрелков, он есть у медведя, который похож на человека не только стоя на задних лапах» (Eljasz-Radzikowski 1897: 254). «Крестьяне уверены, что каждый живой человек имеет спрятанный в себе колтун, который ведет себя в нем пассивно до тех пор, пока человек его не стронет (*zruszy*), т. е. не побеспокоит его (*wzburzy*); что поэтому каждый благоразумный человек должен стараться никогда не стронуть свой колтун» (Osipowicz 1897: 776). Согласно данной трактовке, колтун есть у каждого человека, а его проявление провоцируется неправильным поведением.

Парадоксально, но колтун мог рассматриваться в народных представлениях и как способ лечения болезни: «Также знахари (*gościeciarze*) очень верят в колтун (*plika*), утверждая, что все плохие соки тела больного выходят в трубочки волос, в них теряют силу, мертвеют, а больной поправляется. Поэтому самым главным является то, чтобы у него этот колтун вызвать» (Kolberg 1967: 298–299).

В польских народных представлениях колтун имел собственный характер и воспринимался носителями традиции как живое

существо, как и многие другие болезни в народной картине мира. Неслучайно в приведенной ранее цитате Кольберг обращал внимание на то, что слово *gościec* происходит от слова «гость». Считалось, что «гостецы [...] делятся на “спокойные” (кроткие) и “враждебные, которые непримиримо борются с человеком”» (Kolberg 1967: 291). В некоторых локальных традициях срезанный колтун обладал способностью к перемещению (Малопольша) или росту (Райча, повет Живец): «Старики видели, как колтун сам перемещался с одного места на другое, например со стропил в среднюю часть сарая, брошенный на землю, обосновывался на кусте или верхней части растущих злаков, а при повреждении пищал» (Kolberg 1962a: 169). «Когда я был мальчиком, я увидел старую сливу, немного согнутую, и с нее свисали какие-то клоки. Я влез на дерево и вижу, что в дыре спрятанный колтун рос во все стороны, так, что из любой щели выходили эти клоки. Я сразу же соскочил с дерева» (D. M. 1904: 97).

Причины появления колтуна. С бытийным статусом колтунов связаны представления об их происхождении. В изучаемый период носители польской традиции объясняли появление колтунов главным образом мифологическими причинами, а изучавшие данный феномен исследователи, из работ которых мы сегодня черпаем информацию, – преимущественно естественно-научными, в том числе наивными или устаревшими, и зачастую не отделяли эти типы мотивировок друг от друга. Так, фольклорист Франчишек Крчек писал, что колтуны могли быть естественными и искусственными (Křček 1914–1918: 297–298). По мнению Осиповича, первые появлялись из-за тяжелых теплых головных уборов и непостоянного содержания длинных волос в чистоте в летнее время (Osipowicz 1897: 775). Более подробно в трудах ученых описаны мифологические мотивировки возникновения колтуна, например, если в локальной традиции колтун использовался в качестве способа лечения болезни, тогда его вызывали искусственно, чтобы сделать невидимый, несвившийся колтун видимым (Kolberg 1962b: 83).

Иногда причины появления колтуна оставались неизвестными (Kolberg 1962a: 167). В других случаях считалось, что колтун насыщает нечистая сила, особенно черт (Ibid.: 169–170). Очень распространенным было представление о том, что колтун наводит колдун, ведьма (Kolberg 1965: 265, 382) или другие люди, обладающие сверхъестественными способностями, например овчар (Kolberg 1963: 212).

Способы наведения колтунов были широко известны в народной культуре. Поскольку колтун должен был попасть внутрь человека,

чаще всего его давали жертве в еде или напитке (Kolberg 1982: 98). «Колдуньи и ведьмы могут [...] насрать на человека колтун в картофелине или в хлебе, который, после того как эту еду съедят, вылезет и завьется у него на голове» (Kolberg 1965: 382). В 1775 г. в деревне Дорухув в Остшешувском повете женщина, обвиненная в колдовстве, «вместо груш продавала госпоже мышей и так насрала на нее колтун» (Kolberg 1982: 254). В контексте последней цитаты интересен следующий фрагмент из работы Лукаша Голембёвского: «Ведьмы наводят колтуны, из листьев делают мышей, из теста деньги, когда хотят кому-то навредить, смотрят пугающе, постоянно шепчут и вымогают у боязливых зерно, муку, сало» (Gołębiowski 1884: 145). Если рассматривать этот фрагмент сам по себе, создается впечатление, что первые два характерных для ведьм действия (насылание колтуна и превращение листьев в мышей) просто перечисляются и никак не связаны друг с другом, однако предыдущая цитата из книги Кольберга позволяет предположить, что у Голембёвского за первым действием следует пояснение, описание способа, как навести колтун с помощью превращения съедобного в несъедобное или наоборот.

В Пинчuve было записано подробное описание, как колтун передавали от предыдущей жертвы к следующей: «Нужно найти еврея, у которого в течение семи лет был колтун в бороде; потом лошадь, у которой в течение семи лет был колтун в гриве, и собаку, семь лет носящую в хвосте эту болезнь. Как у еврея, так и у лошади и собаки вырвать из того места, где гостит колтун, по несколько волосков, потом нужно отправиться в дом, в котором 27 матиц, и под центральной матицей эти спутанные волосы 24 часа мочить в воде, которую потом налить в склянки. Из склянок такую воду по несколько капель добавить в водку или еду тому человеку, которому хотят насрать вышеозначенную болезнь» (Siarkowski 1885: (46)–(47)).

Для передачи от старого носителя к новому колтун могли подкладывать под порог: «Подклад заключается в том, что взятые у больного человека волосы, завернутые в тряпку, кладут под порог дома. Кто из домашних переступит через этот порог, приобретет болезнь колтун» (Kolberg 1963: 212). Кроме колдунов и ведьм, колтун мог подложить также его предыдущий носитель или недоброжелатель: «Злоумышленники выносят его на межу, чтобы передать [колтун] кому-то другому» (Kolberg 1967: 298). В Люблинском регионе подбрасывание друг другу или подкладывание под стены состриженного колтуна могло вызывать не сам колтун, а драки и ссоры (Kolberg 1962b: 111).

Для приобретения колтуна необходимо было соприкосновение с ним в волосах (либо с тем, что с ним контактировало). При этом волосы необязательно были человеческими; в польской народной традиции известны случаи насылания колтуна с помощью спутанной собачьей шерсти: «Ведьма наслала колтун одной женщине с приграничья, “посеяв” собачью шерсть у нее в ногу. У больной на ноге образовалась рана, в ней появилось “дикое мясо” (народное название избыточной грануляционной ткани. – П. П.), из которого росли волосы. Когда ведьма “сеяла” эту шерсть, то хорошо видела, как та сразу скручивалась, менялась на глазах, становилась голубой, зеленой, красной и т. д.» (Kolberg 1982: 159–160).

С помощью колтунов можно было распознать колдуна или ведьму, которые их наслали: «Чтобы узнать, кто заколдовал (человека, скотину, дом и т. д.), покупают новый горшок и в нем варят колтуны с волос больного или что-то, что вызвано этой болезнью, до тех пор, пока та ведьма, которая ее наслала, не войдет в комнату, где это делают, поскольку такая ведьма в это время усидеть у себя дома не может и якобы должна прийти на призыв (Чешево под Голанчем)» (Kolberg 1982: 112).

В Перемышльском регионе считалось, что колтун возникает у человека, который потревожил (потрогал или выкопал) корень бузины: «Бузина (*Sambucus nigra*) <...> является кустом враждебным из-за обитания в нем злого духа. Из-за этого его нельзя выкапывать, а особенно добывать его корни, потому что в них сидит зло, и у того смельчака, который бы это сделал, без сомнения, отсохнет рука или умрет кто-то в семье. Или же на него обрушатся различные несчастья: болезни, мор скота, наводнение и т. д. К тому же, кто только по неосторожности или случайно тронет корень бузины, обязательно прицепится колтун, который там сидит, прячась под бузиной» (Kolberg 1964: 235). В том же регионе верили, что колтун появится у человека, который срубил бузинное дерево (Majewski 1900: 584). Колтун образуется у того, кто использовал искривленное дерево или дерево с «ведьминой метлой»¹: «Никогда крестьянин, знающий об этом суеверии, не вывезет из леса ни бурелом, ни искривленное, закрученное (*koltunowate*) дерево, потому что в таком дереве будто бы живет зло, которое может его самого искривить» (Kolberg 1962b: 125). «Считали, что если кто-то наденет белье, выстиранное в щелоче, сделанном из скрученного

¹ «Ведьминая метла» – спутанные фрагменты кроны дерева, напоминающие гнездо или шар, в народных традициях связываемые с деятельностью мифологических персонажей.

дерева (*drzewo kołtunowate*), то есть на котором есть так называемое “коршуново гнездо”, “вихрь” или “шапка” (*kanie gniazdo, wicher, czapka*), то есть большой пучок ветвей, густо сплетенных между собой, действительно напоминающий колтун, то он, без сомнения, будет поражен колтуном» (Osipowicz 1897: 775).

Иногда для получения колтуна было достаточно прикоснуться к нему, пнуть его ногой или перелезть через него (Kolberg 1962a: 169). «Испуганная мать, пойдя за советом к разным женщинам, вызвала бабу-знахарку, которая заявила, что это гостец, и начала спрашивать у мальчика, не переступал ли он где-нибудь через колтун. Мальчик ответил, что, когда он купался в последний раз в Белой, его друзья вытащили из-под дерева на берегу какие-то клоки, про которые говорили, что это колтун, он перепрыгнул их из шалости, а потом очень боялся, потому что другие предсказывали, что теперь у него будет колтун на голове. С этого момента началась его болезнь» (W. Ul. 1904: 96).

Помимо контакта с самим колтуном, его возникновение связывали с определенными растениями, в частности, употреблением в пищу их или приготовленных из них продуктов. Считалось, что колтун вызывает употребление растительного масла (Kolberg 1982: 159), репей, лен или вьющаяся около него повилика, семечко лопуха или чертополоха (Тоерпен 1892: 416). Вероятно, данные представления связаны с внешним сходством частей данных растений с колтуном, со стелющимися переплетающимися побегами, свойствами цепляться за одежду и слипаться. Отдельно среди растений стоит выделить барвинок, поскольку, по поверьям поляков, он мог быть как средством лечения колтуна (см. ниже), так и его причиной: «Верят, что у того, кто выпьет настойку барвинка, появится колтун» (Kolberg 1982: 160). Схожая ситуация отмечается также с колтунником² (плауном), который использовался не только в качестве средства лечения (см. ниже), но и как превентивная мера для защиты от колтуна (Усачева 1999а: 558–559).

Считалось, что колтун обладает собственной волей и желаниями, которые нужно выполнять, чтобы он не навредил больному еще больше. В Татрах полагали, что «если гостец “воспротивится” неподобающему поведению, тогда он сразу же проявится [...]. Гостец очень капризный, неизвестно, что окажется ему не по душе. Можно, например, съесть яблоко, когда гостец этого не просил, и начинается болезнь. Или еще более странная причина может стронуть

2 По-видимому, *Lycopodium clavatum*, см. (Szot-Radziszewska 2007: 96).

гостец – просто скрип смерзшегося снега зимой под ногами <...> Гурали говорят, что гостец сдвигается от испуга, или от поднятия (т. е. от рывка), или от холода, т. е. от простуды, или от сглаза» (Eljasz-Radzikowski 1897: 254–255). «Это может быть вызвано не только каким-нибудь сильным потрясением, но даже видом, например, нелюбимого цвета, каким-то неприятным запахом, хоть бы и очень приятным для других людей, потреблением какой-нибудь еды или выпиванием напитка» (Osipowicz 1897: 776).

Часто колтун вызывали специально, чтобы вылечить больного или облегчить симптомы его болезни (Kolberg 1962a: 168; Z. A. K. 1894: 354). Лечением болезней с помощью колтуна занимались колдуны или особые знахари (*gościarze*), которых за это очень уважали (Kolberg 1967: 291): «Колдун из Г., который лечит таким образом, что все возможные болезни сводит к колтуну [...]. Все посещающие его больные, через три или четыре дня по возвращении из Г., будут иметь колтун вместо своих предыдущих болезней. А колтун главный колдун снимает в свое время безопасно (Курки)» (Тоерпен 1892: 415).

Способы намеренного формирования колтуна. Наиболее популярным способом сделать так, чтобы колтун начал свиваться, было поливание волос настойкой барвинка, иногда предварительно подогретой (Kolberg 1982: 160; 1962a: 168; 1967: 291–293, 298–299; Osipowicz 1897: 776; Siarkowski 1885: (46)–(47)). Реже окропляли волосы вином или водкой в качестве самостоятельного средства (Kolberg 1967: 298–299).

Также для получения колтуна могли поливать голову колтунником, борщевиком или земляным мхом (Kolberg 1962a: 168), мыть голову соломой из вымоченного гороха и хмелем (Kolberg 1967: 291, 298–299), класть в волосы кусочек освященного воска или воска с пасхальной свечи и не расчесывать волосы несколько недель (Kolberg 1967: 291; 1962a: 168; Křček 1914–1918: 297–298).

Считалось, что перед тем, как отращивать колтун на голове, следовало узнать, хочет он свиться или нет (Kolberg 1962a: 168). Для этого необходимо было проверить, будет у больного формироваться колтун в непосредственном контакте с его телом или нет. Требовалось «состричь небольшое количество волос с четырех сторон головы, носить в мешочке в подложечной ямке; когда они скрутятся так, что их нельзя будет расплести, нужно отрастить колтун. <...> Волосы, вытащенные из мешочка, кладут на голову» (Там же).

В Мазурии данный метод использовали для определения того, что причиной болезни является сглаз: «Пораженный какой-либо

болезнью отстригает немного волос с головы, заворачивает их в кусочек бумаги, кладет его или во впадинку, или под мышку, и оставляет там на 24 часа. Если спустя это время волосы собьются, это несомненный знак того, что больного сглазили. Он уже не причесывается и естественным образом спустя 4 или 5 недель получает колтун» (Тоерпен 1892: 416). Интересно, что в познанском регионе и от колтуна, и от сглаза использовались схожие превентивные меры защиты: «Считалось невозможным сглазить или наслать колтун на того, у кого на шее красная ленточка» (Kolberg 1982: 116).

В Белой под Тарнувом подобная практика использовалась в качестве способа лечения колтуна, который проявлялся в виде шишки на ноге: «Баба остригла [больному] немного волос надо лбом, рядом с правым и левым ухом и с задней части головы над шеей, свернула эти волосы, окропила вином, положила в них монетку и вместе с ней отправила их в маленький полотняный мешочек, который она приложила к этой шишке на бедре и велела держать там целые сутки. На второй день она пришла, убрала мешочек с волосами и монеткой с шишки на бедре, которая, тем временем, лопнула, и из нее вылилось очень много содержимого» (W. Ul. 1904: 96). Эти действия переключаются с более поздним этапом лечения колтуна: после обрезания его следовало поместить в мешочек с монеткой (см. ниже).

В Пинчuve для формирования колтуна контактировать с телом больного могли не только человеческие волосы: «Найти шерсть кобылицы и сучки, которые еще ни разу не были с самцами, и эту шерсть носить во впадинке на груди» (Siarkowski 1885: (46)–(47)). В Люблинском повате в Быстшице подобным образом использовали гриву или хвост кобылицы, чтобы колтун перешел на них (Z. A. K. 1894: 354).

Известны и другие, более редкие способы сделать внутренний колтун внешним: «...а если колтун был внутри, то девять верхушек осины сварить в воде под крышкой и намазать этим от горла до пупка и всю грудь, тогда на голове совется колтун» (Kolberg 1962a: 168). В Вонгровце «в полночь знахарка пришла к ним, разбудила их и, пронзительно закричав (ее голос якобы донесся аж до бора): “Ага, попался!”, поймала мужика за ногу, сильно его потрянула и, быстро проведя пальцем по его телу до самой головы, воскликнула: “Стоит тут!” и ушла. Потом <...> она надела ему на голову шапку и в течение четырех недель велела лежать дома и не снимать этой шапки, потому что там свивался колтун» (Kolberg 1982: 147–148).

Способы лечения колтуна. Татранские гуралы полагали, что колтун не всегда следует лечить: «Знахарки знают, нужно лечить

гостец или нет, потому что иногда от лечения гостеца становится только хуже» (Eljasz-Radzikowski 1897: 255). В Жировицах, Ченстохове и Мехове колтуны лечили «с помощью экзорцизма, то есть изгнания дьявола» (Kolberg 1962a: 170). В Татрах лечение зависело от причины болезни: «Знахарка бросает “угольки в воду в горшке” и крестит их кочергой задом наперед; если это слез, то угольки идут ко дну. Тогда больной должен выпить этой воды из горшка три раза и утереться задом наперед» (Eljasz-Radzikowski 1897: 255).

Чтобы вылечить колтун, на Польской Руси надлежало повесить платок с головы больного на дорожном кресте (Kolberg 1962b: 83), а на Подгалье – «прикладывать к больному месту землю, или “кротовину”, или труху из-под пола от стены, которая еще никогда не видела солнышка» (Eljasz-Radzikowski 1897: 255). В том, посвященном Тарнувскому и Жешувскому регионам, Кольберг писал, что для лечения колтуна там использовали молитвы и христианские символы, воду из трех источников и горящую свечу: знахарь «приносит воды, “текущей” из трех мест, сливает ее в одну посудину, доликает в нее воду, чем-то немного подкрашенную, накрывает стол простыней или свежестыранной скатертью, ставит на него зажженную свечу (а более набожный и распятие или икону с каким-либо святым), расстилает рядом чистую рубашку больного, на которую тот кладет свои руки, и платок, которым после снятия колтуна он должен обвязать свою голову. Потом у него спрашивают, крещеный ли он <...>, а после положительного ответа <...> знахарь читает вместе с ним молитвы: его покровителю, Св. Троице, Тайнству Тела и Крови Господней, по три раза. После чего он заговаривает воду, стоящую на столе, окропляет ей рубашку больного и платком троекратно крестит себя и колтун, выходит с больным “на восход солнца”, читает с ним три раза “Ангел Господень”» (Kolberg 1967: 291–293). После этого колтун состригают (см. далее).

Помимо молитв, на разных этапах обряда применялись заговоры (Eljasz-Radzikowski 1897: 255; Kolberg 1967: 291, 298–299; Toeppen 1892: 415). Зачастую известны только их упоминания, пересказы или фрагменты: «заговорила его во имя Иисуса, Марии и всех святых» (Kolberg 1982: 147–148); «иди от меня с Господом Богом, чтобы ты меня больше не истязал, выходи из всех жил моих, из всех ногтей моих, чтобы ты за мной больше никогда не следовал» (Kolberg 1967: 291–293). Иногда в тексте подчеркивается иноязычный характер заговоров: «Знающая махала рукой над ее головой и говорила на своем языке, по-латински (Роско, Драско)» (Kolberg 1982: 159–160).

Как для формирования колтуна, так и при последующем его лечении использовали водку, после (Kolberg 1962a: 169) или до остригания: «От колтуна. В Кельчеве под Косыцяном облили водкой голову пациентки и подожгли ее. Женщина обожглась, и едва успели погасить огонь у нее на голове» (Kolberg 1982: 159). В Курках в Мазурии колтуны лечили также травами (Тоерпен 1892: 415).

По всей видимости, момент отделения колтуна от головы считался самым опасным в обряде, поэтому практически все обстоятельства данного события подчинялись строгим правилам и он сопровождался рядом запретов: «Колтун ни в коем случае нельзя остригать, поскольку он войдет в кости, поломает их или падет на глаза, и больной ослепнет (Калиш)» (Parczewska 1896: 343). «Если человек быстро отрежет колтун, то его “поломает”. Райча, повет Живец» (D. M. 1904: 97).

Особенно важен был **инструмент**, которым **проводилось удаление колтуна**. В бывшем Великом княжестве Познанском (Роско, Драско) его обрезали большими ножницами: «А знающая велела ей сидеть тихо, взяла большие ножницы (потому что колтун был большой, как лейка) и начала его обстригать, но так сильно при этом мучилась (потому что ее колтуновый черт мучил), что с нее пот тек, как вода, и она покраснелась и смеялась от усилий» (Kolberg 1982: 159–160). В других местах для этого использовали раскаленный металл: «Под Краковом, в окрестностях Скавины, его часто обстригают раскаленными ножницами», «обжигают раскаленным железом» (Kolberg 1962a: 167, 169). «Его снимали, т. е. отделяли от головы, не с помощью остригания ножницами, но посредством сжигания волос, на которых он висит, раскаленной докрасна проволокой (*dru-tem*)»; «Снятие колтунов с помощью раскаленных спиц (*drutów*), считавшееся наиболее результативным, т. е. таким, после которого колтуны уже никогда не возвращались» (Osipowicz 1897: 776).

В некоторых локальных традициях, например в Дзялдове, колтун можно было удалять только камнем (Kolberg 1962a: 169; Тоерпен 1892: 416). Еще один необычный способ приводит Оскар Кольберг со ссылкой на работу Томаша Волицкого: «Волицкий (Наука для крестьян, Варшава 1822) советует весь колтун поднять тонким, скрученным из нитей шнурком, каждые пару дней потягивать за этот шнурок, пока через полтора года или немного быстрее наконец колтун не отойдет от головы и не будет держаться только на нескольких волосках. Тогда нужно его отрезать, и колтун без боли исчезнет навсегда (стр. 185)» (Kolberg 1962a: 170).

Лица, которые могли удалять колтун. Как правило, колтуны отрезали знахари и знахарки, ведьмы, колдуны или овчары (Kolberg 1982: 147–148, 159–160; 1963: 212; 1967: 291–293; Тоерпен 1892: 415, 416). «Знахарке следует хорошо заплатить за труды лечения, и столько, сколько она велит себе дать, потому что иначе болезнь может вернуться» (Eljasz-Radzikowski 1897: 255). Процесс срезания колтуна представлял собой сложный и достаточно продолжительный обряд, требовавший колдовских знаний и характеризующийся последовательностью определенных действий, поэтому обычно рядовому носителю традиции справиться с данной болезнью было слишком сложно.

Однако бывали случаи, когда обходились и без знающего. Тогда колтун снимал сам больной или человек, у кого никогда не было колтуна (Kolberg 1962a: 169). В Августовской губернии колтун удалял человек, у которого была «тяжелая рука», т. е. такая, от прикосновения которой «даже трава не растет». <...> «Отсюда даже возникла следующая поговорка: ох и тяжелая у него рука! Ему только колтуны снимать в Ходишеве!» (Osipowicz 1897: 776).

Продолжительность ношения колтуна тоже была важной, хотя и не повсеместно: «период времени, в течение которого он наиболее охотно гостит, – неопределенный». «Отрощенный колтун носят, пока он не подрастет, то есть пока не вырастут новые волосы, которые совсем не слипаются» (Kolberg 1962a: 167, 168). С одной стороны, нельзя было срезать колтун раньше определенного времени: «Чтобы колтун мог быть снят без вреда для здоровья, он должен быть “доспевшим”, т. е. “дозревшим”, т. е. держаться на голове только с помощью нескольких волос, будто бы такая огромная шапка отвратительного вида, сделанная из свалывшихся волос» (Osipowicz 1897: 776). «Лучше всего носить его год и шесть недель. Его никогда не обстригают раньше, и эта осторожность, чтобы не остричь его заранее, является причиной того, что боязливые носят его всю жизнь, как говорит Очаповский (с. 228)» (цит. по: Kolberg 1962a: 168). «Знахарь Видомский из Бытшицы в Люблинском повете, вылив воск, объявил, что колтун сняли слишком рано и что он обвился вокруг сердца (Z. A. K. 1894: 354)».

Слишком долго носить колтун на голове также считалось опасным: «Однако гостец в волосах больше девяти недель носить не советуют, поскольку переносенный гостец вызывает разные болезни» (Kolberg 1967: 291). «В ином случае необходимо обязательно заранее взяться за лечение, они выражаются об этом, например, так: нужно лечить, потому что, если гостец долго не лечить, он является

переношенным, больной умирает, говорят, что слишком поздно начали лечить» (Eljasz-Radzikowski 1897: 255).

Особым образом регламентировалось **время срезания** колтуна. «День должен быть ясный, а человек – до принятия пищи, но никогда не следует делать этого в пятницу. Согласно Очаповскому, безопаснее всего обстригать его в Великую субботу, когда первый раз звонят о воскресении» (Kolberg 1962a: 169). В это же время «колтун часто сильно дергает больного за голову» (Ibid.).

В других локальных традициях полагалось обрезать колтун «в пасхальный период», «в день Богоматери (в среду или субботу)», «в день Рождества» (Wujak 1910: 59), на ежегодное отпущение грехов / религиозный праздник (*odpust*) во время Зеленых святок (Osipowicz 1897: 776); его «не снимают в новолуние, чтобы он не возобновился, но обычно при убывающей луне» (Kolberg 1962a: 167; 1967: 291–293, 298–299).

Место обрезания колтуна имело не меньшее значение. Распространенной практикой было срезать колтуны в известном костеле или монастыре: «Однако нигде так безопасно не остричь колтун, как на святом месте, где его и оставляют. Для окрестных жителей эту роль уже давно исполняет Кальвария Зебжидовска, а костел Святой Марии в Кракове, ранее окруженный стеной, около уборной со стороны врат был всеобщим хранилищем колтунов»; «До настоящего момента у нас еще есть такие чудесные места: в Жировицах, Ченстохове, в Мехове и других костелах, где изгнание дьявола и снятие колтунов удастся лучше всего» (Kolberg 1962a: 169–170). В Ходишеве в районе Ломжи «можно было наблюдать груды этих колтунов, будто бы стогов сена; этот отвратительный материал забирали евреи и, как гласит молва, использовали для набивки мебели» (Osipowicz 1897: 776). В ином случае колтуны могли срезать «под честным небом» (т. е. под открытым небом, на свежем воздухе) (Kolberg 1967: 291–293).

Магические действия после удаления колтуна с головы. После удаления колтуна необходимо было обмыть «больному голову теплой водой, <...> найти ящерицу, выколоть ей глаза, протянуть через них нитку красного шелка, связанного в три петли» (Kolberg 1967: 291–293). Вместе с этим шелком (Ibid.) или без него «остриженный колтун заворачивают в тонкую тряпочку, чтобы он не разозлился» (Kolberg 1962a: 169), в сухую тряпку (Kolberg 1967: 291–293) или мешочек (W. Ul. 1904: 96), кладут в сверток монетку (Kolberg 1962a: 167, 169; 1967: 291–293, 298–299), кусок хлеба (Kolberg 1962a: 169; 1967: 291–293,

298–299), сахар (Kolberg 1967: 291–293, 298–299), щепотку соли (Ibid.: 291–293), обвязывают «новой ленточкой или тесемкой» (Kolberg 1962a: 169), вкладывают в новый горшок и закрывают глиняной крышкой (Kolberg 1967: 298–299). «Так задабривают колтун, чтобы, выйдя из больного, он потом ему не мстил за то, что тот прогнал его от себя, не ломал ему костей» (Ibid.).

После этого колтун закапывают в землю, «хоронят» (Kolberg 1962a: 167; 1967: 291–293; W. Ul. 1904: 96) «под урожайным деревом» (Kolberg 1962a: 169; 1967: 291–293), «под сладкой яблоней» (Kolberg 1967: 298–299), «под дубом» (Ibid.: 291–293), «под бузиным деревом» (Majewski 1900: 584) или «в кусте бузины» (Kolberg 1962a: 169), «в сухом месте» (Kolberg 1962a: 169; 1967: 291–293), «под часовней» или «под Божьей мукой» (придорожным крестом с изображением распятия. – П. П.) (Kolberg 1962a: 169), «в верном месте» (Bujak: 59), лучше всего – среди летучих мышей в лесу (Kolberg 1967: 291–293).

Согласно записям из Тарнувского и Жешувского региона, после закапывания колтуна необходимо было «одеться в рубашку, <...> носить ее на себе девять дней, в течение этого времени также читать по пять молитв ранам Господним; водой, заговоренной перед этим, от субботы до субботы омыwać сверху вниз руки, уши и грудь, немного отпивая ее каждый день, после омывания сливать ее в особый горшок, который держать в тени, и, наконец, вылить ее в проточную воду. На десятый день заговоренная рубашка должна быть выстирана, но не вальком, а руками, нельзя ее также отжимать, но нужно повесить, чтобы вода, которая прикасалась к гостецу, сама с нее стекла, а больному или кому другому не досаждала» (Kolberg 1967: 291–293).

В иных случаях полученный сверток бросают в огонь (Kolberg 1962a: 169; 1967: 298–299), «в развалины старого замка, в котором находятся злые духи; тот, кто это делает, не должен оборачиваться и как можно быстрее должен возвращаться домой» (Kolberg 1962a: 167), «себе за спину, чтобы глаза его не видели, поскольку иначе больной ослепнет» (Kolberg 1967: 291–293). Как показывают последние две цитаты, по всей видимости, в Краковском, Тарновском и Жешувском регионе существовал запрет смотреть на остриженный колтун. В Познанском регионе (Роско, Драско) обряд выглядел следующим образом: «После обстригания и снятия колтуна она (знахарка. – П. П.) бросила его на середину комнаты, три раза на него плюнула, а женщине велела сидеть спокойно и как можно тише, чтобы черт не влетел в нее снова и во второй раз не закрутил на ней колтун. Пока женщина сидела так не меньше пятнадцати минут, знающая произносила над ней свои

молитвы по-латински <...>, а потом велела ей встать, поднять этот колтун, завязать в платок и повесить на чердаке дома у балки в месте, находящемся над кроватью больной» (Kolberg 1982: 159–160).

Считалось, что остриженный колтун надлежало спрятать «в сундук, за печь, под стреху, в сарай под угол, чтобы в любом случае ему бы скоро что-то досадило» (Kolberg 1962a: 169). Наконец, после обрезания можно было приложить колтун «обратно к голове, куда, если он будет нужен, он прирастет» (Ibid.). В Краковском регионе «после остригания больному обычно или хочется спать, или его разморит, будто бы он сильно напился, но в обоих случаях больной засыпает, и когда это произойдет, никто не должен прерывать его сон, потому что иначе это будет неуютно колтуну» (Ibid.).

Рассмотренные выше магические практики, направленные на лечение колтуна, в частности его ритуальное задабривание, а также фито-, зоо- и антропоморфные признаки, которыми он обладает, складываются в своего рода «жизненный цикл» болезни (рост, созревание, способность передвигаться с места на место, издавать звуки, его «похороны» и т. д.) и указывают на одушевленность колтуна в польском фольклоре, его близость к мифологическому персонажу.

В проанализированных в статье названиях колтуна, ассоциированных с ним в польской народной культуре заболеваний и симптомах, его происхождении, видах и проявлениях, способах и причинах формирования, продолжительности ношения, особенностях лечения (времени и месте срезания, инструментах, которыми было принято избавляться от колтуна, дальнейших действиях после отделения его от головы), связанном с колтуном растительном коде и других параметрах отражаются представления о колтуне в польской народной картине мира во второй половине XIX – начале XX в. Неоднородность данных представлений, по-видимому, определяется бытийными статусами колтуна в разных локальных традициях, которые можно условно разделить на три группы.

Достаточно традиционной для изображения болезней в народной культуре является трактовка, известная в Люблинском, Тарнувском и Жешувском регионе, где колтун осмыслиется как болезнь, которая возникает из-за проникновения враждебного существа внутрь тела человека.

Другой, более редкий комплекс представлений зафиксирован в Августовской губернии и в Подгалье, согласно которому наличие колтуна внутри каждого человека является нормой, а физические проявления колтуна возникают вследствие нарушения человеком правильного поведения.

Однако наиболее распространенной и подробно разработанной в польской народной культуре является группа представлений о том, что колтун, в особенности его внешние проявления (свалявшийся ком волос на голове или в другом месте на теле больного), – это способ лечения болезни, «сидящей» внутри жертвы (причем необязательно именно гостеца), необходимый для избавления от недуга.

Обращает на себя внимание взаимосвязь и амбивалентность первого и третьего бытийного статуса (колтун как болезнь и как средство лечения болезни), что кажется уместным сравнить с лексическим явлением энантиосемии и, вероятно, говорит о древности изучаемых представлений.

Мотивы и признаки, связанные с колтуном в польском языке, фольклорных текстах, народных представлениях, магических практиках и ассоциированных с колтуном предметах, явлениях и телесных проявлениях, объединяет семантика сплетения, свивания, скручивания, основанная на принципах подобия и контакта, характерных для симпатической магии. Особенно ярко она прослеживается в причинах появления колтуна (например, возникновение от прикосновения к чужому колтуну либо к похожему на спутанные волосы искривленному дереву или стелющемуся растению), в способах намеренно сформировать колтун и проверить его желание свиться (с помощью отвара из растений, визуально напоминающих колтун, или свалявшейся шерсти животных), а также симптомах болезни (свивании волос, скорчивании конечностей, искривлении ногтей и т. д.). Это позволяет признать данные аспекты центральными и персонажеобразующими для колтуна в польской народной картине мира.

Источники и литература

Левкиевская Е. Е. Колдун // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 528–534.

Усачева В. В. Колтун // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999а. Т. 2. С. 556–559.

Усачева В. В. Коса // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999б. Т. 2. С. 615–618.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–32), А. Ф. Журавлева (вып. 31–40), Ж. Ж. Варбот (вып. 40–). М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.

Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo literackie, 2008. 863 s.

Bujak F. Kołtun // Lud. 1910. T. 16. S. 59.

D. M. Kołtun // Lud. 1904. T. 10. Z. 2. S. 97.

Eljasz-Radzikowski S. Polscy Górale Tatrzańscy czyli Podhalanie i Tatry na początku wieku XIX // Lud. 1897. T. 3. S. 225–273.

Gołębiowski Ł. Lud polski, jego zwyczaje, zabobony. Lwów: Adam Kaczurba, 1884. T. 1. 162 s.

Kolberg O. Dzieła wszystkie. T. 7. Krakowskie. Cz. 3. Wrocław; Poznań: PTL, 1962a. 350 s.

Kolberg O. Dzieła wszystkie. T. 17. Lubelskie. Cz. 2. Wrocław; Poznań: PTL, 1962b. 243 s.

Kolberg O. Dzieła wszystkie. T. 19. Kieleckie. Cz. 2. Wrocław; Poznań: PTL, 1963. 265 s.

Kolberg O. Dzieła wszystkie. T. 35. Przemyskie. Wrocław; Poznań: PTL, 1964. 244 s.

Kolberg O. Dzieła wszystkie. T. 39. Pomorze. Wrocław; Poznań: PTL, 1965. 569 s.

Kolberg O. Dzieła Wszystkie. T. 48. Tarnowskie-Rzeszowskie. Wrocław; Poznań: PTL, 1967. 361 s.

Kolberg O. Dzieła wszystkie. T. 15. Wielkie Księstwo Poznańskie. Cz. VII. Wrocław; Poznań: PTL, 1982. 324 s.

Krček F. Notatki etnologiczne // Lud. 1914–1918. T. 20. S. 293–302.

Majewski E. Bez i hebd. Ich folklor oraz historia nazwisk // Wisła. 1900. T. 14. Z. 5. S. 527–597.

Osipowicz A. Nazwy ludowe niektórych chorób, z wymienieniem środków, używanych po wsiach na ich leczenie w dawnym Augustowskim // Wisła. 1897. T. 11. Z. 4. S. 771–783.

Parczewska M. Lecznictwo ludowe // Wisła. 1896. T. 10. Z. 2. S. 342–344.

Siarkowski W. Materiały do etnografii ludu polskiego z okolic Pinczowa. Cz. 1 // Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej. 1885. T. 9. S. (3)–(72).

Szot-Radziszewska E. Lecznictwo ludowe Ukraińców na przełomie XIX i XX wieku // Analecta. 2007. T. 16. Z. 1–2. S. 69–107.

Toeppen M. Wierzenia mazurskie // Wisła. 1892. T. 6. Z. 2. S. 391–420.

W. Ul. Gościec – kołtun // Lud. 1904. T. 10. Z. 2. S. 96.

Z. A. K. Lecznictwo ludowe // Wisła. 1894. T. 8. S. 353–354.

References

- Boryś, W. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków: Wydawnictwo literackie, 2008, 863 p.
- Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov: Praslavianskii leksicheskii fond*, ed. by O. N. Trubachev, A. F. Zhuravlev, Zh. Zh. Varbot. Moscow: Nauka, 1974–. Vols. 1–.
- Kolberg, O. *Dziela wszystkie*. Vol. 7. *Krakowskie*. No. 3. Wrocław–Poznań: PTL, 1962a, 350 p.
- Kolberg, O. *Dziela wszystkie*. Vol. 17. *Lubelskie*. No. 2. Wrocław–Poznań: PTL, 1962b, 243 p.
- Kolberg, O. *Dziela wszystkie*. Vol. 19. *Kieleckie*. No. 2. Wrocław–Poznań: PTL, 1963, 265 p.
- Kolberg, O. *Dziela wszystkie*. Vol. 35. *Przemyskie*. Wrocław–Poznań: PTL, 1964, 244 p.
- Kolberg, O. *Dziela wszystkie*. Vol. 39. *Pomorze*. Wrocław–Poznań: PTL, 1965, 569 p.
- Kolberg, O. *Dziela Wszystkie*. Vol. 48. *Tarnowskie-Rzeszowskie*. Wrocław–Poznań: PTL, 1967, 361 p.
- Levkievskaiia, E. “Koldun.” *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, ed. by N. I. Tolstoy. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1999. Vol. 2, pp. 528–534.
- Szot-Radziszewska, E. “Lecznictwo ludowe Ukraińców na przełomie XIX i XX wieku.” *Analecta*, 2007, vol. 16, no 1–2, pp. 69–107.
- Usacheva, V. “Koltun.” *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, ed. by N. I. Tolstoy. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1999a. Vol. 2, pp. 556–559.
- Usacheva, V. “Kosa.” *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, ed. by N. I. Tolstoy. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1999b. Vol. 2, pp. 615–618.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.13

P. B. Povetkina

***Koltun* in Polish Folk Culture of the 19th – Early 20th Centuries: Source Analysis**

Polina B. Povetkina

Candidate of Letters, senior lecturer

Pirogov Russian National Research Medical University

117513, Ostrovityanova St. 1 bldg. 6, Moscow, Russian Federation

E-mail: povetkina_pb@rsmu.ru

ORCID: 0000-0002-8246-5367

Citation

Povetkina P. B. Koltun in Polish Folk Culture of the 19th – Early 20th Centuries: Source Analysis // *Slavic Almanac*. 2026. No 1–2. P. 277–297 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.13

Received: 01.07.2025.

Revised: 06.02.2026.

Accepted: 17.03.2026.

Abstract

Based on Polish folklore and ethnographic journals of the second half of the 19th – early 20th centuries and the *Collected Works* of Oskar Kolberg, the article examines the localization of Polish folk ideas about the *koltun* (Polish plait, mat), its various names, the objects of its influence, and the symptoms and diseases associated with it in Polish folk culture. It explores its ontological status, types and manifestations, causes of occurrence, agents that inflict or remove the affliction, methods of forming the plait for medicinal purposes, the duration it was worn, treatment specifics, the time and place of its cutting, the tools used to get rid of it, and subsequent actions taken after its separation from the head. The classification of the studied folk ideas is based on the descriptive sequence for the *koltun* from the ethnolinguistic dictionary *Slavic Antiquities*, with additions reflecting the specificities of the Polish folk worldview. The aim of the article is to study the nature of the *koltun* and its place in traditional Polish culture. For this purpose, the descriptive sequence was clarified and expanded using Polish material, supplemented by quotations from sources. The author's translation of fragments from the works of Polish folklorists makes these materials more accessible to the Russian-speaking reader.

Keywords

Ethnolinguistics, koltun, mat, Polish plait, folk medicine, folklore, Poland, magic.